

ХРОНИКА

XVIII МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС ВИЗАНТИНИСТОВ*

С 8 по 14 августа 1991 г. в Москве состоялся очередной XVIII Международный Конгресс византиноведческих исследований. Конгресс проходил в Московском государственном университете. В конгрессе приняли участие более 300 советских и около 450 зарубежных ученых из 38 стран. Интерес научной общественности к Конгрессу был особенно велик, так как крупнейший форум византинистов впервые проходил в России. Патриарх Московский и Всея Руси Алексей II, выступая на открытии Конгресса отметил, в своем приветственном слове, что принятое от Византии крещение на Руси в 988 г. явилось поворотным событием в ее истории. Развивая эту тему, Д.С. Лихачев подчеркнул в своем выступлении, что принятие Русью христианства способствовало осознанию русскими людьми своего места в истории человечества и в современном им мире. Христианство сыграло роль объединяющего фактора для восточнославянских народов, являлось тем импульсом, который содействовал интенсивному развитию самобытной культуры Руси. Кроме того, важное значение имела также географическая близость Руси и Византии, причем ряд областей Северного Причерноморья и Кавказа, вошедших в новое время в состав России, в течение нескольких веков находился под властью Византийской империи, и традиции византийской культуры длительное время сохранялись в этом регионе. Вполне естественно, что многовековые тесные связи Византии с народами нашей страны оставили глубокий след в культуре России. Уже в XIX в. в России сложился крупнейший центр византиноведения. Ее музеи и древнехранилища обладали богатейшими собраниями произведений искусства, рукописей, археологических памятников византийской эпохи, значительно дополнившихся в ходе раскопок в нашем столетии.

На открытии Конгресса выступили руководители Бюро Международной Ассоциации византинистов, президент И. Шевченко (США) и генеральный секретарь Я. Караяннопулос (Греция), и председатель Оргкомитета Конгресса

член-корреспондент АН СССР Г.Г. Литаврин (СССР), которые сообщили об итогах работы Ассоциации и Оргкомитета по подготовке Конгресса. Делегатов Конгресса приветствовали: от Отделения истории АН СССР академик И.Д. Ковальченко от Ректора МГУ им. М.В. Ломоносова — проректор проф. В.И. Добреньков.

Было оглашено приветствие делегатам Конгресса президента России Б.Н. Ельцина, в котором подчеркивалось, что "столь выдающийся форум ученых со всего мира собрался сейчас именно в Москве, в сердце России — стране, научные школы которой заложили основы и создали многие традиции современного византиноведения". Приветствие премьер-министра Греции К. Митсотакиса на открытии Конгресса огласил посол Греции г-н И.П. Гунарис. Были зачитаны также и другие телеграммы и приветствия от ученых и политических деятелей СССР и зарубежных стран.

Кроме Международной Ассоциации византинистов и Оргкомитета Конгресса* (почетный президент-академик Д.С. Лихачев, председатель Г.Г. Литаврин) в организации и проведении Конгресса участвовали МГУ им. М.В. Ломоносова, Национальный комитет историков Советского Союза, Отделение истории АН СССР, Министерство культуры СССР, Совместное советско-финское предприятие "Поинт", итальянская фирма "Тарталья". Спонсорами Конгресса выступили: Фонд Украинских исследований (США), Союз учредителей немецких научных исследований (Германия), Общественный фонд помощи Александра С. Онассиса (Греция), Международный фонд греческих исследований, Анонимный японский спонсор, Яна и Кит Гавлей (Англия).

Основные темы, вынесенные на обсуждение византинистов, рассматривались на пленарных сессиях. Их в этот раз было восемь:

1. Byzantina, Metabyzantina и Русь (IX—XVII вв.).

* В обзоре представлены лишь основные направления работы Конгресса. Он не претендует на полноту информации обо всех, даже важнейших сообщениях на заседаниях секций и коллоквиумов.

* Принципиальное решение о проведении XVIII Конгресса в Москве было принято Ассоциацией в 1986 г. по инициативе члена-корр. АН СССР З.В. Удальцовой, возглавлявшей в то время Национальный комитет византинистов СССР.

2. Макро- и микроструктуры в византийском обществе.

3. Политические и культурные связи Византии со странами Кавказа.

4. Византия и страны Причерноморья (XIII—XV вв.).

5. История византиноведческих исследований.

6. *Instrumenta studiosorum*.

7. Социальные и политические факторы в развитии византийского искусства.

8. Светская и церковная литература в Византии. Автор и читатель.

Помимо пленарных сессий, в ходе конгресса прошло более 100 заседаний 21 секции, 16 коллоквиумов и 15 круглых столов, где указанные главные темы и связанные с ними проблемы были предметами сообщений и дискуссий.

Вполне закономерно, что на Конгрессе в Москве несколько тем, оказавшихся в центре внимания, были связаны с историей экономических, политических, культурных и церковных связей Византии с Русью, областями Причерноморья и Кавказа.

— Среди самых представительных были заседания, посвященные изучению русско-византийских отношений и византийского наследия в России. Пленарное заседание открылось докладом Т. Василевского (Польша) "Обращенная в христианство Русь в византийской семье правителей и народов". Автор рассмотрел политические взаимоотношения Руси и Византии вплоть до завоевания Константинополя крестоносцами (1204 г.). Анализируя титулы русских князей в византийских и древнерусских источниках, Т. Василевский определил перемены в статусе Руси среди государств, принятых в "императорскую семью правителей и народов". Положение русских князей принципиально изменилось на международной арене после принятия христианства и брака князя Владимира с принцессой Анной, сестрой императора Василия II. Вместе со званием "сын императора" князь Владимир получил новый несравненно более высокий монарший титул: *orthodoxos, eugenestatos, chaganos*. После завоевания Константинополя крестоносцами и татаро-монгольского нашествия на Русь непосредственные русско-византийские отношения (за исключением церковных) были временно прерваны.

В докладе Дж. Маджески (США) "Русско-византийские связи (1240—1453): сообщения о путешествиях" автор, напротив, утверждал, что влияние Византии на Русское государство не прекратилось и после 1204 г. и продолжалось практически в течение всего периода XIII—XV вв. Это влияние осуществлялось главным образом через посредничество византийской литературы, литургии. Исследователь попытался восстановить историю связей Византии и Руси в указанный период. За 213-летний период удалось выявить 125 путешествий русских в Византию и греков на Русь. Дж. Маджеска заключает, что благодаря этим поездкам и в Констан-

тинополе и в Москве имели достаточно точные представления друг о друге. Но тем не менее, контакты с Византией и византийцами осуществлялись очень узкой группой русских людей, которых докладчик называет интеллектуальной и политической элитой Руси, способной оказывать значительное влияние на культурную жизнь своего государства.

Б.Л. Фонкич (СССР) в докладе "Россия и христианский Восток в XVI—первой четверти XVIII в." представил результаты своих изысканий в архивах и рукописных собраниях нашей страны, касающихся взаимоотношений России и греческого мира указанного периода. Им был выявлен фонд из более чем 860 греческих документов середины XVI—первой четверти XVIII в. в архивах и библиотеках Москвы, Ленинграда и Львова. Эти материалы позволяют разработать такие проблемы как помощь России грекам в их борьбе за освобождение от турецкого ига; связи России и константинопольского патриархата в XVI—XVII вв., Россия и Афон; история критской войны и греческо-русских связей в 1645—1669 гг., история пребывания греков в России, и в частности, в Москве, где находилась большая греческая колония, создание греческих и греко-славянских школ в России в XVII—XVIII вв. Для целенаправленного изучения русско-греческих связей необходимо создание международной программы и объединение усилий многих специалистов — тактов вывод докладчика.

В секционных заседаниях, посвященных первой теме Конгресса, были представлены сообщения, в которых рассматривались различные аспекты истории политических, экономических, культурных и церковных связей. В работе секции, в коллоквиумах и дискуссиях выступили многие видные ученые из разных стран.

Изучая происхождение и содержание этнонима "Рос" в византийских текстах, Е.А. Мельникова, В.Я. Петрухин и М.В. Бибииков (СССР) выявили вероятность заимствования византийцами исконного "профессионального" самоназвания скандинавских отрядов, нападавших на Византию, отраженного в термине, ставшем затем в Византии этнонимом для обозначения русских. Постепенный характер христианизации Руси, прежде всего ее варяжской общины, в IX—начале X в. отмечается в сообщении Г. Бирнбаума (США). Комплекс русско-византино-германских взаимоотношений накануне Крещения Руси рассмотрел А.В. Назаренко (СССР). Исследуя состояние русско-византийских связей во второй половине XII—XIII вв., Н.Ф. Котляр (СССР) продемонстрировал на примере византийской политики галицко-волыньских князей выдвигание на первый план в этот период преимущественно локальных, частных контактов, перемещавшихся постепенно главным образом в церковную сферу.

С. Франклин (Великобритания) остановился на такой категории культурной жизни Древней Руси, как "философы", известные по памятникам древнерусской книжности и сопоставимые

с аналогами византийских реалий. Анализу образа юродивых как представителей византийской и древнерусской "народной" культуры посвящено сообщение С.А. Иванова (СССР).

Интересные дискуссии прошли в связи с докладами о русско-византийских переводах и заимствованиях. Методике славянских переводов с греческого литургических текстов, Службника посвящено выступление Р. Штихеля (ФРГ). Неканонические библейские переводные тексты в византийской и славянской традициях в виде "суррогатов Библии" исследованы У. Федером (Нидерланды). На ранних славянских переводах в связи с деятельностью миссии Кирилла и Мефодия остановился Ж.-П. Арришон (Франция). Анализ древнерусского перевода византийского богословско-полемического сборника, каким представляется "Изборник Святослава 1073 г.", на фоне выявленных арабской, древнегрузинской и латинской версий того же памятника представлен М.В. Бибиковым (СССР). Византийские источники болгарских "Дамаскинов" XVI-XIX в. рассмотрел Г. Подскальский (ФРГ).

Несколько специальных заседаний было посвящено истории христианизации Руси и русско-византийским церковным отношениям. Я.Н. Шапов (СССР) в докладе "Древняя Русь под церковной юрисдикцией Константинопольского патриархата: Проблемы исторической оценки" подчеркнул, что деятельность киевской митрополии отвечала интересам и нуждам Русского государства. Однако посылавшиеся в Киев митрополиты были, по мнению докладчика, хорошими администраторами русской церкви, но, как правило, мало способствовали распространению византийской культуры на Руси. Основная инициатива в данном случае исходила от русских князей и монастырей.

На заседании, посвященном изучению русско-византийских культурных связей и влияния Византии на русскую литературу, искусство, архитектуру, философию, выступил митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим (К.В. Нечаев, СССР). В докладе "Радонеж и Византия" он подробно остановился на роли византийской культуры в формировании учения Преподобного Сергия Радонежского. Э. Пильтц (Швеция) показала значение русской живописи для изучения несохранившейся настенной живописи Византии Комниновской эпохи.

Важное значение на заседаниях секции было придано проблеме византийского наследия в России, в частности, рассмотрению концепции "Москва — третий Рим". Б.Н. Флоря (СССР) отметил прекрасное знание в России XVI в. византийской исторической традиции и ее влияние на политическую жизнь государства. Соотношение концепций "Москва — Третий Рим" с идеей "Нового Константинополя" проанализировано Н.В. Синицной (СССР).

На Конгрессе явственно проявился растущий среди византистов интерес к истории Причерноморского региона как крупнейшего и недостаточно изученного очага византийской куль-

туры, важного перекрестка интенсивного товарообмена между Востоком и Западом. Активную роль в этом регионе издавна играли Древняя Русь и Византия, с XIII в. — итальянские морские республики Генуя и Венеция, имевшие свои фактории и колонии в Крыму, на Кавказе, в Малой Азии, в устьях Дона и Дуная, Золотая Орда, с XV в. — Османская империя. Становится все более очевидной необходимость изучения Причерноморского региона как единого исторического целого. В разных странах мира сформировались специальные исследовательские направления, группы и школы, целью которых является изучение различных аспектов истории Причерноморья. (В Италии под руководством Дж. Пистарино, во Франции — М. Балара, в Англии — Э. Брайера и др.). В 1990 г. на историческом факультете МГУ начала свою работу лаборатория (под руководством С.П. Карпова), ставящая задачу изучения комплекса источников по истории Причерноморья в средние века из собраний итальянских и советских архивов.

На пленарном заседании с обобщающими докладами по данной теме выступили ведущие зарубежные ученые. Открыл заседание доклад М. Балара (Франция) "Византия и районы Северного Причерноморья (XIII—XV вв.)". Докладчик констатировал, что начиная с 1204 г. (а особенно с 1261 г.) Византия утрачивает контроль над территориями к северу от Дуная. После установления "рах Монгоlica" возможность реализовать в этом регионе свои экономические и политические успехи получили латиняне. Власть татар над Крымом сменила непродолжительное господство Трапезунда. Опираясь на свои фактории, генуэзцы сумели почти монополизировать к середине XIV в. продовольственное снабжение Константинополя из Северного Причерноморья. В устье Дуная генуэзцы тоже установили свой контроль. Но несмотря на территориальные утраты, византийский император продолжает рассматриваться как первое лицо ойкумены. Ортодоксальное православие служит ему опорой, а моральный авторитет Константинопольской патриархии компенсирует упадок его власти. Сохраняя ведущую роль в культурных контактах со странами Восточной Европы, подданные империи попадают в зависимость от экономической системы, привнесенной итальянцами.

Истории южных районов Причерноморья посвятил свое пленарное выступление Э. Брайер (Великобритания): Византия и Понт в период "Смутного времени" (1332—1363). В основе его исследования — политическая история Понта. События гражданских войн в Трапезундской империи были мало связаны со столь же бурными социальными столкновениями в Западной Европе и Византии. По мнению Э. Брайера в Трапезундской империи боролись за власть 5 основных группировок знати: 2 столбичные и 3 провинциальные (лазская и халдская, с их почти клановой организацией, и прибрежных районов). Значительной силой обладал трапезундский дим (городской люд), стремив-

шийся к сохранению порядка (таксиса) и власти того монарха, который был в состоянии обеспечить оборону страны от турок. Победа Алексея III Комнина в этой борьбе была обусловлена стойкой поддержкой дима.

В докладе В. Гюзелева (Болгария) "Византия в истории болгарского Причерноморья в XIII – середине XV в." выделено три основных аспекта: политический, церковно-религиозный и этнический. Используя комплексный подход в изучении источников (в том числе архивных), В. Гюзелев показал большую значимость территории болгарского Причерноморья во взаимоотношениях Византии и Болгарии. В области политики в этом регионе преобладала вооруженная борьба между ними за господство на побережье, проходившая в два этапа (1186–1261, 1261–конец XIV в.) и закончившаяся поражением Болгарии и падением ее основных городских центров на черноморском побережье. В церковной и культурной сферах связи обоих государств были, как показал докладчик, весьма интенсивными. Причем болгарская культура, обогащаясь за счет византийского влияния, не теряла своей самобытности. В. Гюзелев отстаивал тезис о том, что черноморское побережье Болгарии в средние века отнюдь не было населено исключительно греками: напротив, там преобладал, по его мнению, болгарский этнос, хотя присутствовали и иные этнические группы.

В работе секционных заседаний, посвященных истории византийского ареала в Причерноморье, было представлено два основных исследовательских направления: основанное на изучении разноязычных письменных источников (прежде всего архивных материалов) и представляющее обработку археологических изысканий последних лет. С докладом "Основные закономерности развития итальянской торговли в Причерноморье (XIII–XV вв.*)" выступил С.П. Карпов (СССР). Опираясь на документы из архивов Генуи и Венеции, автор поставил вопрос о соотношении торгово-предпринимательской деятельности итальянского купечества и процессов колонизации, о значении иностранной торговли для причерноморских городов Византии, Крыма, Трапезундской империи, Синопского эмирата.

Различным вопросам итальянской колонизации Причерноморья были посвящены сообщения ученых школы Дж. Пистарино–Э. Бассо, Дж. Ольджати, А. Ассини (Италия). Л. Баллетто (Италия) в своем докладе отметила первостепенную важность сохранившихся в Генуэзском Государственном архиве документов *Officium Provisiois Romaniae* как для изучения взаимоотношений Генуи с ее факториями, с Византией, с исламским миром в первой половине XV в., так и для собственно внутренней и экономической истории областей Эгейского и Черного морей.

Громаден объем материала нотариальных источников XIV–XV вв., но гораздо малочисленнее и разрозненнее данные о начале генуэз-

ской торговой экспансии в Византии. Попытку преодолеть трудности, порождаемые фрагментарностью источников представлял доклад А.Л. Пономарева (СССР), использовавшего математические моделирование и предложившего методику реконструкции численности населения фактории в Пере и объемов его торговой деятельности за 1281 г.

Несколько выступлений на секции было посвящено северо-восточному Причерноморью. Е. Тодорова-Стричевич (Болгария, США) исследовала историческую географию Азовского моря в связи с итальянской навигацией позднего средневековья.

С докладами о проблемах симбиоза культур латинян и различных народов, населявших Крым в XIII–XV вв., выступили М.Г. Крамаровский и А.Г. Еманов (СССР).

Одним из крупнейших центров Северного Причерноморья был Херсон (совр. Севастополь). Основываясь на материалах многолетних археологических раскопок, А.И. Романчук (СССР) доказывала многовековую преемственность городской жизни в Херсоне. Она полагает, что слой разрушения, связывавшийся обычно с походом Владимира на Корсунь, судя по монетным находкам, возник не ранее середины XI в., вероятно, в результате землетрясения.

Доклад Н.М. Богдановой (СССР) был основан на комплексном изучении источников разных типов (письменных и археологических) по истории Херсона X–XV вв. Докладчица выделила общие черты и особенности социально-экономического и политического развития Херсона в сравнении с другими провинциальными городами византийского мира.

Интенсивное археологическое изучение средневековых древностей Северного Причерноморья обусловило необходимость пересмотра некоторых сложившихся представлений об истории Крыма и Боспора, как показали в своих докладах советские исследователи А.И. Айбабин, А.В. Сазанов, А.И. Герцен, В.Л. Мыш, И.А. Баранов и др.

На пленарном заседании по теме "Политические и культурные связи Византии со странами Кавказа" в докладе М. ван Эсбрука (Нидерланды) подведены итоги развития зарубежной историографии по проблемам отношений Византии и Кавказа в средние века, отмечены ее основные достижения и недостатки. Автором предложена новая периодизация византийско-кавказских связей.

Заседания секции по данной теме отличались, пожалуй, особенно горячими дискуссиями. Значительное число докладов было посвящено армяно-византийским взаимоотношениям. Анализируя их особенности в IV–XI вв., Э.Л. Даниелян (СССР) заключает, что политика Византии по отношению к Армении по сути не претерпела значительных изменений и сводилась к неуклонному стремлению любыми средствами укрепить свое влияние на армянских землях. И.М. Усачева (СССР).

напротив, показала на примере армянской политики императора Маврикия, как империя проводила здесь более гибкую и терпимую политику. Сложным и неоднозначным взаимоотношениям Византии и Армении в X—XII вв. были посвящены доклады В.А. Арутюновой-Фиданян, А.А. Бозояна, Г.В. Саркисяна, В.П. Степаненко, Р.М. Бартияна (СССР) и искусствовед Э. Эванс (США). Проблема административного устройства Армении под властью Византии нашла свое отражение в докладе В.А. Арутюновой-Фиданян "Новая социально-административная структура на Востоке Византии". Докладчица исследует социально-административные реалии восточных провинций Византии X—XII вв. После включения армянских территорий в Византийскую империю перестали существовать армянские царства и княжества, но не появились и традиционные "ромейские фемы". Возникла новая синтезная структура (хора) в армяно-византийской контактной зоне, которая нашла отражение в такой традиционно консервативной области, как византийская терминология. Современники формирования и функционирования армяно-византийской контактной зоны осознавали, таким образом, своеобразие организации восточных провинций империи в X—XI вв.

История грузинско-византийских отношений была представлена на Конгрессе рядом сообщений. Е.П. Метревели (СССР) раскрыла историю знаменитого грузинского рода Чордванели. Наиболее широкое освещение получила история грузинской культуры и литературы. Так, например, Н.Ю. Ломоури (СССР), рассматривая современные методики исследования грузинско-византийских связей, критически пересмотрел концепции обратных культурных влияний Грузии на Византию. Ряд сообщений был посвящен византийско-абхазским связям и истории взаимоотношений Кавказской Албании и Византии. На секции "Византия и мусульманский мир" весьма интересными были доклады по византийско-арабским контактам. В известной мере как неожиданные были восприняты выводы канадского исследователя Д. Сахаса, считавшего возможным говорить о прямом влиянии идеалов монашества Палестины и Синая на формирование ислама. Ранней истории ислама был посвящен доклад М.Б. Пиотровского (СССР), предложившего рассматривать открытия Корана об Иисусе и Деве Марии как целостную версию некоего апокрифического "Евангелия", комплекса христологических представлений, бытовавших в аравийской среде в VI в. Концептуальный доклад был представлен Ю.М. Кобищановым (СССР), продемонстрировавшим особое место Северо-Восточной Африки в восточно-христианском регионе. В VI—VII вв. Эфиопия, Судан, Египет, Сирия, Армения, отчасти Грузия и Аравия составили некий монофиситский пояс между несторианским Востоком и пространствами православного христианства. В этот период, по словам

докладчика, происходил процесс культурного сплочения монофиситских общин. В районе Красного моря, преимущественно монофиситском, борьба между монофиситством и православием не отличалась остротой.

На другом заседании секции рассматривались в основном византийско-сельджуцкие отношения. Р.А. Гусейнов (СССР) обрисовал сложную и противоречивую политическую ситуацию в Переднеазиатском регионе в XI—XII вв., сложившуюся в результате вторжений сельджуков. Докладчик показал, что события этого периода предопределили грядущее ослабление Византии, а также способствовали туркизации Передней Азии. Г.М. Курпалидис (СССР), представил ряд малоисследованных известий персоязычных источников, повествующих о битве при Манцикерте. Совместное сообщение Н.И. Серикова (СССР) и Б.Хамарнех (Иордания) содержало информацию о работе над словарем грецизмоз в арабском языке.

Третье заседание секции было целиком посвящено византийско-османским отношениям. С.Ф. Орешкова (СССР) анализировала роль византийских традиций в формировании османской государственности. К.А. Жуков (СССР) указал на ряд малоизученных направлений в экономической, социальной и политической истории тюркской Анатолии и Византии, исследование которых важно для существенных характеристик османского общества и особенностей его генезиса. Турецкая исследовательница М. Делилбашчи представила интересный анализ экономической и демографической ситуации в Малой Азии и Византии в XIII—XV вв. Н. Неджипоглу (Турция) показала, что в начале XV в. на территории Византии было немало турецких торговцев тюркского и греческого происхождения. Р. Шукуров (СССР) привел свидетельства того, что выходы из монгольской и тюркской среды были неизменным элементом населения Трапезундской империи на протяжении всего ее существования. Обобщающее сообщение о взаимоотношениях Трапезундской империи с туркменами Ак-Коюнлу представил Я.М. Махмудов (СССР).

Традиционно в поле зрения как отечественных, так и зарубежных исследователей находятся проблемы социально-экономической истории. Одной из центральных на Конгрессе была тема "Микро- и макроструктуры в византийском обществе".

Ее обсуждение было открыто пленарным докладом А.П. Каждана (США) "Микроструктуры в Византии VIII—IX вв." Для изучения микроструктур, или малых социальных групп, с точки зрения докладчика, наиболее плодотворен структурный подход. Малые социальные группы занимают промежуточное положение между индивидом и классом; они отличаются от класса не только количественно, но и тем, что обладают "физической реальностью" — родственной или территориальной, или той

и другой вместе. Микроструктуры (семью, линияж, клан, общину, ремесленный цех, монастырь) отличает очень развитое индивидуалистическое, или "атомизирующее", начало. Возможно, существование именно этого начала предопределило неразвитость в Византии феодальной иерархии, относительную политическую слабость, рыхлость и зависимость городской структуры. Византийский "тоталитаризм", по мнению докладчика, сохранял свои позиции именно потому, что малые группы были слишком "атомизированны", и поэтому неспособны создать какой-либо стабильный противовес бюрократическому аппарату. В заключении докладчик приходит к оригинальному выводу, что византийское общество жило в условиях индивидуализма, но без свободы, что и составляет основную особенность византийского общественного строя.

Я. Караяннопулос (Греция) в докладе "Этапы развития аграрных общественных отношений" рассмотрел проблемы аграрной истории в Византии с IV по XV вв., в особенности формы зависимости в поздневизантийском обществе и институт парикии. Хотя термин "парик" встречается в источниках с IV в., этот институт полностью оформляется именно в поздний период. Я. Караяннопулос считает, что парикия поздневизантийского периода отличалась от свободной аренды и эмфитевсиса отсутствием оформленных договорных отношений, что возможно, предопределило столь широкое распространение парикии. Огромное значение этого института автор видит в том, что в нем реализовалась высокая социальная мобильность. Например, парикии могли продвигаться по социальной лестнице: уменьшение численности мелких земельных собственников в поздней Византии компенсировалось увеличением числа новых ремесленников из париков.

Пленарное заседание завершилось докладом К.П. Мачке (ФРГ) "Замечания о микро- и макроструктурах в поздневизантийском обществе". Ученый подчеркнул необходимость освещения связей между микроструктурами и макроструктурами поздневизантийского общества. Прослеживается тенденция развития от микро- к макроструктурам, дополнение или даже замена одной другой. При их исследовании следует учесть, что все социальные феномены более раннего периода (правовые, религиозные, культурные и экономические) были феноменами городского общества. Одна из основных ячеек поздневизантийского общества — семья — была одновременно и наиболее устойчивой микроструктурой. Особое место внутри семьи занимали проблемы взаимоотношений между отцами и детьми, использование детского ручного труда как в домашнем хозяйстве, так и в ремесленных мастерских. Поздневизантийские малые группы были явно слабее, чем аналогичные западноевропейские. Сильные семейные связи не компенсировали сравнительной слабости простых социальных

групп. Сами макроструктуры являлись частью более крупного и многостороннего понятия. Проблема их формирования в поздней Византии лишь поставлена. Необходимо изучение характера связей как внутри отдельных макроструктур, так и между ними (между аристократией, купечеством, банкирами, крестьянством и вообще между имущими классами). В последние столетия поздневизантийского общества макроструктурированные элементы явно отстают на задний план. Почти полностью исчезают и средние группы (ремесленники, мелкие торговцы и т.д.). Вероятно, они уже не воспринимались как особые социальные группы, отметил К.П. Мачке.

Проблемы, обсуждавшиеся на секционных заседаниях по этой теме, касались различных аспектов социально-экономической жизни Византии с IV по XV вв. Вопрос семиотики византийских общественных структур был посвящен доклад Ф. Тиннефельда (ФРГ).

А.А. Чекалова (СССР) показала в своем докладе, что константинопольская сенаторская аристократия IV—VI вв. является новым социальным образованием, сохранившим свой "служилый" облик на протяжении всего ранневизантийского периода. Сенат Константинополя, утверждает докладчика, играл роль разрушителя норм жизни Римской империи и одновременно хранителя и наследника традиций муниципий греческого Востока.

Доклад О.Р. Бородина (СССР) "Экзархат и фема: сравнительный анализ" вернул слушателей к давним спорам о соотношении экзархата и фем. Докладчик полагает, что фема и экзархат, близкие в юридическом плане и отчасти в военном, с историко-культурной и социальной точек зрения принципиально различны. Византийская Италия, подчеркивает О.Р. Бородин, не была органичной частью Византийского государства. Равенский экзархат скорее "колониально" зависимая структура, и его утрата империей явилась закономерной.

Отдельное заседание было посвящено изучению социальных структур византийского общества. В докладе И.М. Еранда (США) доказывалось, что в конце XII в., как и ранее, большую роль в организации ремесленного производства в Константинополе играли корпорации. Некоторые итоги исследования состава, социальной структуры и мобильности знати Никейской империи были подведены в докладе П.И. Жаворонкова (СССР). Наиболее существенной проблемой при изучении господствующего класса никейского общества, по мнению докладчика, является проблема горизонтальной и вертикальной мобильности знати. Автор усматривает значительный рост численности новых знатных родов в Никейской империи преимущественно на нижних ступенях иерархической лестницы. Элита же была более устойчива и менее доступна для "чужаков".

1. Проблемам развития областей Латинской

Романии был посвящен ряд сообщений. С.В. Близинок (СССР) выступила с докладом о гибкой и продуманной налоговой политике кипрских королей династии Лузиньянов в XIII – первой половине XIV вв., Налоговые льготы другим государствам на территории Кипра оказались выгодными для королевской казны. Потери с лихвой окупались притоком на остров товаров, ускорением оборота капиталов, быстрой реализацией кипрской продукции.

Группа ученых из Болоньи (Италия) во главе с А. Кариле представила ряд интересных сообщений с публикациями новых источников по истории Калабрии и Сицилии, а также о связях Византии и Венеции.

Обсуждение проблем экономической и социально-политической истории продолжалось на заседаниях круглых столов: "Проблемы экономической истории Византии", "Город и деревня в Византии", "Колонат и парикия", "Континуитет и дисконтинуитет", "Законодательство императоров Македонской династии", "Особенности государственной структуры Византии", "Социальный статус военного", "Византийская бюрократия".

"Византийский менталитет" – тема, объединившая специалистов на заседаниях круглых столов: "Античность понята и непонята византийцам", "Война и мир в представлениях византийцев", "Образ жизни и метод мышления византийцев".

При анализе системы раннеславянской военной организации VI–VII вв. Ф. Малингудис (Греция) определил черты военно-социальной структуры славян на территории Греции, специально остановившись на таких категориях, как "воевода" и "дружина". В. Тыпкова-Замова (Болгария) посвятила свое выступление проблемам исторической географии и административного устройства Нижнего Подунавья в XI–XII вв.

Военно-политическим аспектам византийского менталитета было уделено внимание в докладах по теме "Война и мир в представлениях византийцев", с которыми, в частности, выступили Ж. Дагрон (Франция), У. Кэги (США) и В.В. Кучма (СССР). А. Гиёу (Франция), руководивший темой "Образ жизни и способ мышления византийцев", рассмотрел представления о счастье в византийских памятниках.

Источниковеды, архивисты, библиографы, лингвисты и др. приняли участие в обсуждении темы *Instrumenta studiorum*.

На пленарном заседании, посвященном проблемам источниковедения, был зачитан доклад Х. Хунгера (Австрия) об осуществлении существующего с 1966 г. в рамках Международной ассоциации византистов проекта Корпуса источников по истории Византии, каковой к моменту проведения Конгресса насчитывал 32 изданных и 40 заявленных и готовящихся к изданию томов.

Другая обширная работа, впервые представ-

ленная на суд византистов на XV Конгрессе, *Tabula Imperii Byzantini*, к открытию Конгресса насчитывала семь выпусков, охватывающих территории Элады, Эпира, Каппадокии, Галатии, Киликии, Фракии, Фригии и Писидии (на картах в масштабе 1:800000 указаны топонимы, известные из всех видов источников включая данные археологии). Дж.Р. Мартиндейл (Великобритания) рассказал об организации картографической базы данных по истории Византии (641–1261), создаваемой с 1988 г. в Королевском колледже в Лондоне.

Т.Ф. Бруннер (США) доложил о создании словаря греческого языка, над которым ведется работа в течение семнадцати лет. В нем учтены все греческие тексты от Гомера до 600 г. н.э., собрано 61 млн слов. Эта работа, проводимая в Университете Калифорнии будет продолжена – осуществляется переход к византийским авторам. Помимо словаря лексикографов, в *Thesaurus* войдет лексика прежде всего исторических сочинений, изданных в Бонском корпусе; ввод же в словарь созданных до 1453 г. текстов завершается через 6 лет. Сходные вопросы обсуждались также на заседании круглого стола "*Thesaurus et lexica linguae Graecae mediaevalis*".

В докладе "Применение количественных и формальных методов в византиноведении (Итоги и перспективы)" К.В. Хвостова (СССР) показала, что современный уровень византиноведения позволяет использовать как стандартные, так и нестандартные количественные и формальные методы. Богатые возможности для этого предоставляют византийские практики XIV в. Использование такой стандартной методики как корреляционно-регрессионный анализ позволило восстановить нормы обложения отдельных податных объектов и саму процедуру налогообложения. Благодаря применению кластерного анализа К.В. Хвостовой удалось выявить экономическое районирование крестьянских хозяйств и его связь с административным делением на катепаникии. Однако, по мнению автора, значительно больший интерес представляет использование нестандартных количественных и формальных методов. В частности, для анализа расслоения византийских париков по отдельным видам зафиксированного в практиках имущества и по размерам налога применяется специально разработанный К.В. Хвостовой коэффициент расслоения. Его использование определяется неадекватностью в данном случае тех коэффициентов расслоения, которые существуют в экономике и приспособлены для анализа других форм дифференциации (в частности, для измерения степени концентрации имущества в немногих руках), отличных от типичных для византийских париков.

Говоря о формальных методах анализа византийских источников, автор останавливается на тех, которые относятся к изучению структуры аргументации, содержащейся в богословских и философских текстах. Использование соответствующих приемов позволяет

выявить степень сложности, убедительности, четкости и последовательности аргументации.

К.В. Хвостова ставит методологическую проблему связи формального и количественного анализа источников с выводами современной философской герменевтики, согласно которой интерпретация — основная методология истории. Однако такой вывод отражает очень высокую степень теоретической абстракции, на котором не ставятся проблемы конкретной методики. Они рассматриваются на уровне конкретной методологии истории. Кроме того, современная герменевтика учитывает возможности компьютеризации знания, использования в гуманитарных науках приемов искусственного интеллекта, когнитивной психологии.

На заседании секции "Историческая география" были заслушаны доклады по исторической географии и топографии Эгейских островов, Македонии, Пелопоннеса, Константинополя XIII—XVI вв. Совместное сообщение группы греческих ученых касалось разработок по исторической географии, в результате которых создается на основе анализа византийских исторических источников банк данных по истории Византии.

На первом заседании секции по истории права были, в частности, заслушаны доклады о византийских морских законах, о смертной казни в Византии и об отношении к ней самих византийцев. Специальное заседание было целиком посвящено рецепции римского и византийского права на Руси.

Направления работы секции "История византиноведческих исследований" были определены пленарным докладом П. Лемерля (Франция), зачитанном на Конгрессе. Основной темой сообщений стала история национальных византиноведческих школ (австрийской — Г. Хунгер, чехословацкой — В. Вавжинек, итальянской — У. Крискуоло, Э. Фолльери и П. Кази, французской — Б. Флузен, бельгийской — А. Жакоб, венгерской — Т. Олайощ, датской — К. Фледелиус). Особое заседание было посвящено изучению истории отечественного византиноведения, на котором прозвучали сообщения Ю.В. Пахомова, И.Л. Кызласовой, Г.Е. Лебедевой, М.А. Поляковской (СССР) и др. Л.П. Лаптева (СССР) посвятила свое выступление деятельности Русского Археологического института в Константинополе. В. Федоров (СССР) рассказал о русской церковной традиции изучения истории Вселенских Соборов.

Попытка выявить основные тенденции развития византиноведческих штудий была предпринята в докладе Й. Ирмшера (ФРГ), в котором рассматривались также старые и новые методы исследований, и основные задачи на будущее.

Как обычно, большое число участников конгресса интересовалось проблемами истории византийского искусства. На пленарном заседании было заслушано выступление Г. Бабич (Югославия) "Византийская настенная живо-

пись и византийская традиция (1081—1453 гг.): Возможности и границы социологического анализа". В нем прослеживалась связь между различными направлениями византийского искусства и определенными общественными группами на примере отражения взглядов и интересов тех или иных социальных слоев (светских и духовных феодалов, горожан, крестьян) в формах и характере иконографии. Кроме того, исследовалась возможная зависимость живописи от особенностей местного производства (сельского хозяйства, ремесла, торговли). Однако социологический анализ, по мнению Г. Бабич, нередко затруднен, так как серьезное влияние на византийскую живопись оказывал мир традиционных для всего византийского общества идей (например, идея вселенской иерархии, которая почти не претерпела изменений во времени).

Проблематика докладов, представленных на секционных заседаниях, была весьма многообразна: византийская архитектура и живопись, миниатюра и прикладное искусство, школы, стили и этапы развития византийского искусства, иконографии, новые открытия и находки и т.д. Упомянем лишь некоторые из докладов, зачитанных на этой секции.

Несколько заседаний было посвящено византийской живописи. Так, доклад О.С. Поповой (СССР) представил поправки к принятой периодизации византийского искусства XIV в. Э. Ксинтара (Франция) привела весомые доводы для передатировки знаменитых мозаик Хоры началом XII в. (до смерти императора Алексея I в 1118 г.), В.В. Бычков (СССР), отметив, что феномен православного искусства свое полное выражение получил в иконе, представил ее православную богословскую концепцию. Доклад С. Калописси-Верти (Греция) освятил место художника в поздневизантийском обществе. Имена художников сохранились на стенах церквей, оружии, полах одежд; художники занимали в общества более низкое положение, чем донаторы, но часто получали низшие церковные должности. Т.Х. Стародуб (СССР) проследила воздействие ранневизантийской художественной школы Сирии на сложение арабского мусульманского искусства.

Особое заседание было посвящено живописи Руси в связи с ее византийскими истоками.

Вопросам истории византийского искусства были посвящены коллоквиумы: "Искусство столицы и периферии", "Место византийского искусства конца XIV — первой половины XV вв. в истории художественной культуры Византии", "Славянские святыне в православной иконографии".

Работа византинистов-филологов на Конгрессе велась в русле общей темы: "Светская и церковная литература в Византии. Автор и читатель". На пленарном заседании было заслушано три доклада. Д.Р. Райнш (ФРГ) на богатом агиографическом материале VI—VII вв. исследовал идейное содержание двух несхожих

литературных жанров. По мнению докладчика, зития общих жанров существенно различаются в той части, которая позволяет характеризовать автора, но имеют немало общего — в основном там, где авторский текст обращается непосредственно к читателю.

В. Хёрланднер (Австрия) в докладе "К вопросу о коммуникативной функции византийского стиха" проанализировал разные типы стихотворных текстов (свадебные, "исторические", эпитафии и пр.). По его мнению, произведения стихотворного жанра во многих случаях предназначались не только для читающей публики, но и для большой аудитории слушателей.

В сообщении Я.Н. Любарского (СССР) была сделана попытка интерпретировать формы и пути самовыражения автора в произведениях различных жанров раннего средневековья.

Интерес вызвало выступление на секции С.С. Аверинцева (СССР) "Христианская апофатика у греков и сирийцев: два подхода к литературной разработке духовной темы". Как греки, так и сирийцы широко пользовались апофатикой, однако у сирийских авторов она "не становится в такой мере, как у греков, предметом риторической разработки... она скорее растворена во всем движении образного развития мысли". Преемственность и инновации в эстетике ранневизантийской литературы в связи с ее христианизацией оказались в центре внимания доклада Д. Френдо (Ирландия).

Т. Теотеой (Румыния) пытался обосновать идею, что Аммиан Марцелин был предшественником византийской историографии. М.А. Поляковская (СССР) на материалах переписки Димитрия Кидониса (XIV в.) представила анализ образа человека в византийском эпистолярном жанре.

В.И. Илюшечкин (СССР) выделил некоторые принципы, которыми руководствовался патриарх Фотий при отборе позднеантичных романов для своего Мирнобиблиона, а также методы фотиевой переработки привлекаемых им текстов. А. Литтлвуд (Канада) указал на распространяемость эротической символики яблока в поздневизантийской и поствизантийской литературе на димотике. В. Некорадо (Италия) продемонстрировал иранские истоки греческого романа о Вельгандре и Хрисанье. Ф. Адрадос (Испания) показал роль Византии как передаточного звена восточных по происхождению сюжетов в западноевропейские литературы.

Тематика этой секции получила дальнейшее развитие на коллоквиуме "Агиографическая и светская литература". Кроме секций по восьми основным темам Конгресса, на нем были представлены и другие ведущие направления византиноведческих исследований.

Проблемы демографии и этнические процессы (VII—XIV вв.) в Византии обсуждались на одноименном коллоквиуме, а также на кол-

локвиуме: "Болезни и общество" и на заседании круглого стола "Уровни грамотности в Византии (VIII—XV вв.)".

— Значительный интерес у участников Конгресса вызвал коллоквиум "Хозяйство и повседневная жизнь византийской семьи". Заслушанные на нем доклады были сгруппированы по трем основным проблемам: 1) хозяйственная жизнь византийской семьи; 2) рождение и смерть как важные поворотные пункты в жизни семьи, семейные нравы; 3) проблемы питания у византийцев. Коллоквиум открылся с весьма насыщенного выступления председателя коллоквиума А. Лайу (США), которая подвела итог в области изучения повседневной жизни византийцев на современном (вплоть до Конгресса) этапе мирового византиноведения.

Два доклада были посвящены собственно хозяйственной жизни семьи: Ж. Бокамп (Франция) и А. Гонозова (США). Оба доклада были построены на материале Египта. Ж. Бокамп в своем сообщении "Организация хозяйственной жизни семьи и роль в ней мужчины и женщины" проследила разделение хозяйственных функций в семье, придя к выводу о том, что в то время как связи с внешним миром и покупки вне дома осуществлялись главой семьи, женщине отводилась также немаловажная роль — следить за поступлением в имени собственной продукции. А. Гонозова в докладе "Производство текстиля: домашнее или рыночное производство?" уделила основное внимание ткачеству как коммерческому производству, показав вместе с тем, что немало повседневной одежды производилось в домашних условиях, причем неквалифицированными руками.

Второй проблеме коллоквиума были посвящены доклады А. Лайу, М.-Э. Конгурдо (Франция), Г. Магуэй (США) и М. Домбровской (Польша). В докладе А. Лайу "Смерть и семейная ячейка" были прослежены важные демографические и экономические последствия для семьи и патримониального хозяйства смерти главы семьи.

Эволюция отношения к новорожденным (в том числе неполноценным и уродам) был посвящен доклад М.-Э. Конгурдо "Отношение византийцев к новорожденным".

Г. Магуэй в докладе "Плакальщицы в византийском искусстве, литературе и обществе" остановился на институте плакальщиц и отношению к нему главным образом в церковной литературе и искусстве. Докладчик показал, что если до XIII в. предписывалась умеренность в проявлении горя, то с этого времени в сценах скорби допускается всякая несдержанность, в том числе рвание волос и одежды.

М. Домбровская в сообщении "Этика императорской семьи Палеологов по Феодору Палеологу, маркизу Монферратскому" обрисовала идеал отца-господина для этой среды, главными чертами которого являлись вера, надежда, любовь к ближнему, отвага в борьбе со злом, честность.

В докладе М. Ангольда (Великобритания) "Еда: значение пищи" проследил отношение византийцев к еде как к важному фактору здоровья. Проблеме питания Константинополя в эпоху Македонской династии был посвящен доклад Й. Кодера (Австрия), рассмотревший эту тему главным образом на основании данных Книги Эпарха.

Т. Зайковская (СССР) в докладе "Византийские элементы в свадьбе понтийских греков" проследила влияние византийских традиций на свадебные обряды понтийских греков и показала важную роль изучения этих обрядов для исследования собственно византийской истории.

Заседание секции "Философия и богословие" открыл доклад еп. Никандра (Коваленко) «Средства выражения познания по учению *Corpus Aegoragiticum*». Д.Б. Эванс (США) предложил некоторые новые подходы к проблеме авторства *Corpus dionysiacum*. Он сосредоточил усилия не столько на выяснении имени автора (что, по мнению исследователя, является бесплодным занятием), сколько на реконструировании личности автора, его идейного и общественного облика. Р. Досталова (Чехословакия) проанализировала соотношение идеалов "стасис" и "кинесис" в византийском сознании. Статике, неподвижности, как атрибутам вечности, византийцы отдавали очевидное предпочтение.

Д.Дж. О'Меара (Швейцария) остановился на методах логического и диалектического анализа и аргументации Пселла, на источниках его сочинений и взглядах византийского философа на соотношение научных и философских идей и христианской религии.

В докладе иеромонаха Илариона (Алфеева) об экзегетическом методе преподобного Симеона Нового Богослова, утверждалось, что Симеон исходил в толкованиях Писания не столько из традиции византийской экзегетики, сколько из своего личного мистического опыта.

Проблематика философско-богословской секции получила развитие на коллоквиумах: "Храм Божий в Византии. Литургия, структура, символика, эстетика", "Литургия и искусство", "Святые и путешествие".

Первое заседание секции "История церкви" было почти целиком посвящено ересям и еретическим движениям. Дж. Айн (США) пересмотрел некоторые широко распространенные в научной литературе тезисы, касающиеся судьбы арианства. В частности, он опровергает положение о том, что арианская ересь исчерпалась после серии эдиктов Феодосия I и постановлений II Вселенского собора: ариане были активны вплоть до конца 440-х годов; исследователь показал также, что императорские эдикты, лишившие ариан церквей внутри городских стен, не были направлены против ариан-индивидуалов. Арианство так и не обрело харизматического лидера, распалось на многочисленные секты и уже не представляло собою грозной оппозиционной силы. Антиеретической политике Феодосия I был посвящен доклад А.С. Козлова

(СССР), который отметил, что акции императора часто отражали лишь требования текущего момента, политика Феодосия смягчилась к концу его царствования, однако практика понижения сословного статуса инаковерующих противоречит утверждению, что Феодосий I боролся только с еретическим культом и старался "не задеть людей".

На втором заседании значительная часть докладов касалась внутренней истории византийской церкви и ее институтов. С. Геро (Германия) на примере политики Льва V попытался опровергнуть распространенное мнение о "нежизненности" иконоборчества в IX в. М.В. Кривов (СССР) сделал весьма интересное сообщение по генеалогии Иоанна Дамаскина, восходившей к древнему роду. Предки великого богослова занимали высокие должности при дворе халифов, наиболее распространенными мужскими именами в роду были Сергей и Мансур, последним именем до пострижения именовался и сам Иоанн. Д. Уайт Стратудакис (США) прочла доклад о взаимоотношении церкви и государства в Византии в IX в. Сходную проблему затрагивал и Е.М. Ломизе (СССР), посвятив свое сообщение анализу поздневизантийских концепций государственности и взаимоотношения государства и церкви.

Несколько заседаний было посвящено взаимоотношениям "Византии и славянских государств".

В докладе Б.М. Панова (Югославия) было показано усиление феодальной аристократии в Македонии после 1018 г. за счет поддержки центральной византийской власти, а также за счет захвата общинных земель и укрепления своих позиций в городах.

Причины заключения договора 1298–1299 гг. между Андроником II и Милутином О.И. Нужицким (СССР) видит в недовольстве централизованной политикой последнего, вынуждавшем его после безрезультативной попытки опереться на сюз с Болгарией сменить свое отношение к Византии и, заключив с нею мир, предотвратить внутреннюю смуту, которая, несмотря на это, все же вспыхнула в Сербии в начале XIV в. Сербия при Стефане Душане распространяет свою власть на коренные византийские земли. Д. Корач (Югославия) пришел к выводу, что сербский царь считал свое императорское достоинство полученным от бога и именно поэтому претендовал на ранг равноапостольного. Составленные уже в XVII в., вероятно, по неизвестным источникам монастырские легенды Афона О.В. Иванова (СССР) считает необходимым использовать при изучении славяно-греческого симбиоза на Халкидике наравне с "Чудесами св. Димитрия" или сочинениями Иоанна Каменяты.

В устройстве патриаршего двора, возведенного в южной части Большого Преславского дворца за два строительных периода (в 866–900 гг.) и в царствование Симеона и Петра, Ж.Т. Аладжов (Болгария) отметил основные

принципы строительства Преслава — закрытость и многоярусность комплексов в сочетании с их коммуникативностью — наличием разнообразных переходов между группами проектов.

Если о начальном этапе формирования исторических знаний в Болгарии говорить трудно в связи с тем, что сохранились лишь протоболгарские надписи и глоссы в рукописях, то сочинения IX—X вв. в своем большинстве свидетельствуют об ориентации на византийские образцы, хотя, как считает Л.В. Горина (СССР), весьма важно, что Болгария, усвоив византийский опыт, сумела приступить к созданию и собственных сочинений по всемирной и отечественной истории ("Сказание о буквах", библейские переводы, "Именник болгарских ханов").

Бедная по сравнению с византийской исторической литературой или биографической традицией эпохи Неманичей официальная историография Второго Болгарского царства, дополнявшая переводы греческих хроник данными по истории болгар, была, как указал Д.И. Польшанский (СССР), источником агиографии и гимнографии и распространившись в XV—XVII вв. по славянскому миру, вошла в общее наследие восточноправославной исторической литературы как ее достойная часть.

Аналогичным образом, представлениями о своей включенности в высокую культурную традицию завершается эволюция двух первоначально независимых (а после славянизации городов Далмации неразделенных) исторических традиций — далматинской и хорватской, которые прослеживаются О.А. Акимовой (СССР) еще у Константина Багрянородного. Часть далматинской традиции, первоначально обосновавшая культурный приоритет еще римских городов над пришлыми славянами с XV в. используется для утверждения и преемственности истории Хорватии от римской, поскольку к этому моменту в хорватской традиции славяне уже осознали себя автохтонным населением.

Хотя об автохтонности славян на Балканах говорить невозможно, их появление на полуострове Е.В. Кузнецов (СССР) отнес к более раннему периоду, к концу IV в.

Касаясь дальнейших судеб византийского наследства, Ф.Дж. Томсон (Бельгия) заключил, что освоение письменной византийской культуры восточными славянами, происходившее до XV в. благодаря южнославянским переводам, далее осуществлялось в Литве и Московии, но по-прежнему — в первой его стимулировало соперничество с католицизмом, а во второй — сдерживала культурная изоляция, начавшаяся с падения Новгорода и закреплённая отсутствием (или отвержением уже сделанных в Литве) переводов большинства догматических и всех философских сочинений. Так продолжалось, полагает докладчик, вплоть до царя Алексея Михайловича. А.А. Турилов (СССР), рассказал о малоизвестных византийских и славянских источниках о разделении

Киевской митрополии в начале XV в. и избрании Григория Цамблака.

Тема взаимоотношений византийцев с сопредельными странами и народами обсуждалась на коллоквиуме "Коммуникация и обмен информацией между византийцами и между Византией и соседними странами", а также на заседаниях круглых столов "Византия и славяне. Расселение и балканский город", "Палестина в ранней Византии".

Насыщенной была работа секции "История музыки". В центре внимания музыковедов находились стили и жанры в первую очередь религиозной музыки, новые находки в византийском музыковедении, влияние византийской музыки на славянский мир и Западную Европу. С. Голабовский (Югославия), Х. Марин (Австрия), Б. Шартау (ФРГ), Г. Статис (Греция) представили в своих сообщениях неизвестные и малоизученные византийские трактаты по музыке.

Значительное число докладов было представлено на секции "Археология". На первом заседании, посвященном по преимуществу археологии византийского города, были, в частности, заслушаны интересный доклад А. Данна (Великобритания) о взаимоотношениях византийской археологии и исторического исследования в прошлом и в настоящем (докладчик констатировал прискорбное игнорирование исследователями данных археологии при изучении социально-экономических проблем), Т.Э. Грегори (США) предложил новую интерпретацию археологического материала периода "темных веков": резкое сокращение числа находок для этого периода он объясняет не общим упадком экономической жизни, но возвратом к традиционной, экстенсивной системе сельскохозяйственного производства. Н. Тьерри (Франция) подытожила результаты археологических работ последних лет в Центральной и Восточной Анатолии, определив их значение для византистики. Р. Ванн (США) представил обзор византийских портов на Киликийском побережье. М. Виттон (Великобритания) подвел некоторые итоги совместным исследованиям Оксфордского университета и Британского археологического института в Анкаре византийских крепостей по реке Мендерес на западе Турции. Особое заседание секции было посвящено византийской археологии на территории СССР. Сообщения советских ученых затрагивали различные аспекты археологических исследований византийских памятников в Крыму, на Кавказе, Украине.

Значительный интерес вызвал также коллоквиум "Новые открытия в византиноведении: памятники материальной и духовной культуры".

Ряд докладов по нумизматике ввел в научный оборот сведения о новых находках византийских монет, в частности в Азербайджане и Армении, на Балканах, и на Дальнем Востоке. В большинстве докладов трактовался также вопрос о той роли, которую византийская

монета выполняла в международных торговых связях и денежном обращении, рассматривались монеты как вещественное отражение политических связей и отношений суверенитета между странами и народами византийского ареала.

История византийских печатей обсуждалась на коллоквиуме "Новое в сигиллографии", где особо обсуждена идея создания общей библиографии по сфрагистике.

Палеографы и кодикологи посвятили свои заседания слушанию докладов о книжном письме и проблемах датировке рукописей. Обсуждение проблем палеографии и истории византийской книги продолжилось на коллоквиумах и заседаниях круглого стола по темам: "Книжное и документальное письмо греческих рукописей (IX–XVII вв.)", "Византийская книга", "Обмен идеями. Переводы и распространение книг в Византии".

А. Джурова (Болгария) охарактеризовала греческие рукописи IX–XII вв. из коллекции Ивана Дуйчева. П. Шрайнер (ФРГ) привел интересные данные, почерпнутые из рукописных помет и архивных записей, о ценах рукописной книги в Византии. П. Канар (Ватикан) и Э. Гамилльшер (Австрия) возглавили работу коллоквиума "Византийская книга", прошедшего очень оживленно и интересно.

Много новых находок и материалов было представлено и в докладах по сигиллографии и сфрагистике. В. Зейбт (Австрия) проследил эволюцию печатей с монограммами с V–VI до XIII вв. Состав металла печатей как фактор их атрибуции охарактеризован в докладе С. Моррисон и Ж.-П. Баррандон (Франция).

Нумизматические материалы, отражающие ранние этапы расселения славян на Балканах, представила М. Нистазопулу-Пелекиду (Греция).

На заседании, посвященном истории византийской дипломатии, анализировалась структура и формуляр византийского частного акта, византийская традиция в русском частном акте XV в.

В секции "Наука" и образование" были сделаны сообщения о византийской астрономии и источниках естественнонаучных знаний в Византии. А.В. Подосинов (СССР) высказал сомнения по поводу правомерности выражений "античная картография" и "византийская картография", указав на принципиальную антикартографичность восприятия пространства в античной и византийской культурах.

Итоги работы XVIII Международного Конгресса византистов были подведены Д. Оболенским (Великобритания) на заключительном пленарном заседании. Д. Оболенский дал высокую оценку работе Конгресса, его организации, отметил развитие новых и традиционных направлений исследований в разных странах, подчеркнул, что несмотря на тематическое многообразие выступлений, все они, в основном, были объединены несколькими магистральными темами. Это позволило развернуть дискус-

сию по ряду кардинальных проблем истории Византии.

13 августа Генеральная ассамблея Международной ассоциации византистов избрала новое руководство Ассоциации: ее президентом вновь стал проф. И. Шевченко (США), генеральным секретарем – Я. Карааннопулос (Греция). Новыми вице-президентами ассоциации избраны: Ж. Дагрон (Франция), Г.Г. Литаврин (СССР), П. Шрайнер (Германия).

Очередной XIX Международный Конгресс византистов решено провести в 1996 г. в Копенгагене.

Одной из примечательных особенностей Конгресса и одновременно одним из значительных событий художественной жизни Москвы и Санкт-Петербурга стало открытие выставок, подготовленных благодаря самоотверженному труду работников музеев и приуроченных к Конгрессу. По числу выставок Московский Конгресс не знал себе равных (9 выставок в Москве и 4 выставки в Санкт-Петербурге). Часть экспонатов (для некоторых выставок значительная) доставлялась из разных музеев.

В Государственной Третьяковской галерее были представлены иконы Палеологовского времени "Византия, Балканы, Русь. Иконы XIII–XV вв.". Издан каталог выставки.

Хронологически продолжает эту выставку экспозиция в Гос. музее изобразительных искусств им. А.С. Пушкина "Поствизантийская живопись. Иконы XV–XVIII вв. из собраний Москвы, Загорска, Твери и Рязани", на которой было представлено уникальное и еще мало изученное направление греческой иконописи – иконы так называемой критской школы. Издан каталог выставки.

В этом же музее работала выставка "Искусство коптского Египта", демонстрирующая экспонаты из собраний Эрмитажа и ГМИИ им. А.С. Пушкина. Соседство двух экспозиций позволило журналистам образно назвать их обе – "Корни и Крона" (поствизантийская живопись венчает христианское искусство эпохи средневековья, а культура египтян-христиан IV–VII вв. воздействовала на формирование самого византийского искусства).

Большой интерес вызвала и демонстрация богатейших коллекций средневекового лицевого шитья в музеях Московского Кремля. В экспозиции из собраний Москвы, Новгорода, Сергиева Посада и других городов Центральной и Северной России находились изделия декоративно-прикладного искусства, а также творения русских мастериц, украсивших богатым шитьем облачения царей и высшего духовенства.

Архивы, музеи, библиотеки России хранят несколько сотен греческих рукописей, греческих грамот середины XVI – начала XVIII в., представляющих исключительный интерес для изучения греческо-русских взаимоотношений в ходе 12 столетий. К Конгрессу были подготовлены специальные экспозиции "Греческие рукописи VI–XVII вв." и "Греческо-русские связи середины XVI – начала XVIII вв. Гречес-

кие документы московских хранилищ", развернувшиеся в филиале ГИМа Новодевичьем монастыре и музее им. А. Рублева. (Издан каталог Б.Л. Фонкича.) Еще одна выставка в музее Новодевичьего монастыря была посвящена византийскому Херсону — "Археология Херсона. Новые открытия". Археологическое исследование Херсона (Севастополя) длится уже более ста лет и по ряду параметров превосходит изученность, например, Фессалоники или Константинополя. В экспозиции были представлены архитектурные детали, скульптура, надгробия, произведения декоративно-прикладного искусства в металле и камне, иконы, расписная керамика, памятники эпиграфики и др. Издан каталог выставки.

В музее им. А. Рублева была открыта также выставка "Христианство в Крыму", а в Гос. Третьяковской галерее выставка "Шедевры древнерусской живописи XII—XVII вв."

В Санкт-Петербурге Государственный Русский музей и Эрмитаж организовали выставки памятников византийского искусства и письменности из своих фондов. "Памятники искусства и письменности из коллекций Н.П. Лихачева" (Гос. Русский музей) и "Византия и византийские традиции" (Гос. Эрмитаж). В залах Гос. публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина и библиотеки АН были представлены экспозиции греческих рукописей.

В фойе Научной библиотеки МГУ на Ленинских горах участники Конгресса смогли познакомиться с книжными выставками: "Традиции отечественного византиноведения (XVIII—XX вв.)" и "Новейшие публикации по истории Византии", подготовленными сотрудниками Научной библиотеки МГУ, Государственной Публичной Исторической библиотеки РСФСР и ИНИОНа АН СССР. В Советском Союзе разными научными центрами было выпущено около 40 изданий к Конгрессу.

Свои публикации представили на Конгрессе также крупные иностранные издательства. Оценивая значение Конгресса византистов в Москве, следует подчеркнуть, что он явился не только важным этапом в развитии отечественного и зарубежного византиноведения. Конгресс не был событием, оторванным от интересов современной жизни нашей страны. Напротив, как отметил в своем выступлении академик Д.С. Лихачев, сегодня закладываются основы культуры России XXI в., "сегодня мы должны сознавать свою живую связь с Византией и Поствизантией. И в этой связи именно сейчас приобретает особое значение научное изучение и художественное освоение Византии".

**М.В. Бибиков, С.П. Карлов,
Н.М. Богданова, С.В. Близиук,
А.Р. Пономарев, Р.М. Шукуров**